

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
Ульяновского Присурья
Этнодиалектный словарь.
Том 2

Издание и авторская работа выполнены
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проекты № 08-01-00497а; № 12-01-16023д),
а также Правительства и Министерства искусства
и культурной политики Ульяновской области

Ответственные редакторы
доктор исторических наук И.А. Морозов,
доктор филологических наук М.П. Чередникова

Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. Том 2 / Колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафронов, М.П. Чередникова и др. — М.: «Индрик», 2012. — 656 с., ил., карты.

ISBN 978-5-91674-216-9

В Этнодиалектном словаре Ульяновского Присурья представлены традиционные формы культуры в их взаимосвязи с экономическими и социально-культурными процессами XX — начала XXI века. Описание календарных и семейных праздников и обрядов, бытовых и праздничных форм поведения, наиболее важных персон и персонажей местного фольклора, а также употребительных типов фольклорных текстов сделано в форме словаря и основано на материалах полевых исследований авторов.

Корпус Словаря предваряется Вводными очерками, посвященными анализу генезиса культурных форм, представленных в корпусе Словаря, для чего привлекаются сравнительные материалы из других регионов Центральной России, Русского Севера и Поволжья, а также архивные источники XIX века. Выводы авторов вводных очерков подкрепляются анализом локальных особенностей культуры в их взаимосвязи с историей заселения, этнокультурными и языковыми особенностями.

Издание предназначено для специалистов по этнографии и фольклору, а также для широкого круга читателей, интересующихся этой проблематикой.

© Коллектив авторов, текст,
иллюстрации, 2012

© Издательство «Индрик»,
оформление, 2012

ISBN 978-5-91674-216-9

СОДЕРЖАНИЕ

С Л О В А Р Ь

МАСЛЕНИЦА (празднично-игровой и обрядовый комплекс)	11
МАТАНИТЬСЯ (форма общения молодежи)	24
МОЛИТЬ О ДОЖДЕ (обрядово-магическая практика)	38
МОЛОДЫХ ВСТРЕЧАТЬ (свадебный обряд)	47
МОЛОДЫХ МАСЛОВАТЬ (празднично-обрядовое действие)	50
МОЛОДЫХ СОЛИТЬ (празднично-игровое действие)	51
МОНАХ (игра в кельях)	53
МОНАШКИ (персона)	54
НА ЗУБОК (семейный обряд)	63
НА ПОКЛОН (свадебный обряд)	69
НА СВЯТОЙ РОДНИК ХОДИТЬ (сакральный локус и связанные с ним практики)	72
НАКАЗАНИЕ ЗА ГРЕХ (православная этика и мифологические представления)	87
НАРЯЖЕННЫМИ ХОДИТЬ (обрядово-игровая практика)	97
НЕВЕСТУ ПРОДАВАТЬ (свадебный обряд)	119
НЕКРУТОВ ПРОВОЖАТЬ (обряд)	125
НИКОЛАЙ УГОДНИК (персонаж народных верований)	136
НИКОЛИН ДЕНЬ (праздник)	144
НИКОЛЬСКАЯ ГОРА (сакральный локус)	147
НОВОСЕЛЬЕ (семейный обряд)	169
НОВЫЙ ГОД (праздник)	175
НОЧЕВАТЬ В КЕЛЬЕ (форма общения молодежи)	178
ОБЁРТУШКИ (игра в кельях)	185
ОБНОВЛЕНИЕ ИКОН (мифологические представления и поверья)	186
ОБОРОТЕНЬ (мифологический персонаж)	190
ОЗОРСТВО (игровая форма поведения и календарный обычай)	198
ОРЕЛ (праздничное развлечение мужчин)	203
ОСНОВУ СНОВАТЬ (хороводная игра)	216
ОТЕЦ МАКСИМ (персона)	218
ОТШЕЛЬНИК (персона)	228

ПАСХА (праздник)	230
ПЕРВАЯ БРАЧНАЯ НОЧЬ (свадебный обряд)	249
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИКОН (мифологические представления и поверья)	250
ПЕЧУРКИ СМОТРЕТЬ (свадебный обряд)	256
ПЕТРОВ ДЕНЬ (праздник)	257
ПЛАЧ ИКОНЫ (мифологические представления и поверья)	260
ПЛАТЕНЬ (хороводная игра)	263
ПЛЯСАТЬ (развлечение)	266
ПОГРЕБЕНИЕ (похоронный обряд)	282
ПО КЕЛЬЯМ ХОДИТЬ (форма общения молодежи)	293
ПОДШКУНИВАТЬ (игровая форма поведения)	300
ПОКОЙНИК СНИТСЯ (мифологический персонаж и поверья о нем)	316
ПОКОЙНИКА УБИРАТЬ (похоронный обряд)	326
ПОКУПАТЬ КОРОВУ (бытовые и обрядовые практики)	338
ПОМИНКИ (похоронный обряд)	343
ПОСТ (календарный период и религиозная практика)	360
ПОХОРОНЫ (комплекс ритуально-обрядовых и магических действий) ..	372
ПРИБАУТКИ (игровой текст)	387
ПРИПЕВАТЬ (игровые тексты и практики)	398
ПРОВОЖАТЬ МАСЛЕНИЦУ (обрядовые и игровые практики)	412
ПУГАТЬ (игровая и обрядовая практика)	419
РЕМЕНЬ (посиделочная игра)	431
РОДИНЫ И КСТИНЫ (семейный обряд)	432
РОЖДЕСТВО (праздник)	442
РОЖДЕСТВО СЛАВИТЬ (поздравительный обход)	447
РУСАЛКА (мифологический персонаж)	450
РЮХИ (игра)	457
С ГОР КАТАТЬСЯ (зимнее развлечение)	463
САБУРОВ КОЛОДЕЦ (сакральный локус)	467
СБОРНОЕ (календарный обычай)	471
СВАДЬБА (комплекс обрядовых, магических и игровых действий)	473
СВАТАТЬ (свадебный обряд)	488
СВЕЖИНКА (игра в кельях)	495
СВЯТКИ (празднично-игровой и обрядовый комплекс)	496
СЕМИК (праздник)	500
СИДЕТЬ В КЕЛЬЯХ (форма организации молодежного досуга)	503
СОБИРАТЬ НЕВЕСТУ К ВЕНЦУ (свадебный обряд)	520
СОСЕДИ (игра в кельях)	528
СРЕДОКРЕСТЬЕ (праздник)	529
СТОЛБЫ (игра)	533

ТАУСЕНЬ (поздравительный обход)	535
ТРАПЕЗА (повседневное и обрядовое действие)	547
ТРОИЦА (праздник)	554
ТЮТЮШКАТЬ (развлечения взрослых с детьми)	568
УЖ (мифологический персонаж)	579
УХВАТОМ ПЫРЯТЬ (игра в кельях)	583
«ХОДИТ ЦАРЬ ВОКРУГ НОВА-ГОРОДА» (круговая игра)	585
ЧЕЛНОК (игра)	587
ЧИЖ (детская и молодежная игра)	589
ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК (праздник)	595
ЧИТАЛКИ (персона)	599
ШАР (молодежная игра)	603
ШИШИГА (мифологический персонаж)	610
ШУТА ХОРОНИТЬ (обрядовая и игровая практика)	612
ШУТИТЬ (игровая форма поведения)	621
ЯРКУ ИСКАТЬ (свадебный обряд)	631
СПИСОК ИНФОРМАНТОВ	646
СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУЕКТОВ	663
СОКРАЩЕНИЯ: СОБИРАТЕЛИ И ОРГАНИЗАЦИИ	663

МАГАРЫЧ — см. Новоселье, Покупать корову

МАСЛЕНИЦА

Масленица (*маслена неделя*) — празднично-обрядовый комплекс, приуроченный к неделе, предшествующей Великому посту (см. *Пост*). В народном календаре он разделяет зиму и весну. Как и все праздники, имеющие переходный характер (см. еще *Вёсну провожать*, *Святки*, *Свадьба*), масленица включает в себя разнообразные символические ритуалы, которые направлены на достижение благополучия каждой семьи и всей крестьянской общины.

Масленица была одним из самых популярных и любимых праздников, хотя иногда его и называли «проклятым». Такой взгляд сформировался под влиянием церкви, осуждавшей характерный для этой недели разгул. «Ну, эта Паска у нас была, Ражаство, Пакров, маслиница и Хрищенья. Все праздники таикии были святьи. Маслиница толька проклятая была, там пьянка-гулянка всю ниделю. Вот и всё» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 8].

На территории Ульяновского Присурья в пределах недели масленица праздновалась по-разному. В некоторых селах в начале XX в. (20–30-е гг.) масленичные гулянья (см. *Гулянья*) проходили с понедельника до воскресенья. «Маслиницу праздновали целую ниделю» [БГГ, с. Сара; ЧМП ФА УЛГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. В других случаях масленичная неделя по насыщенности праздничными ритуалами разделялась на две половины. «Ниделю ана была, а два дня иё гуляют, блины пикли всю ниделю, а иё в пятницу начинают. Бывала, у нас на базар ездили в Корживку, в пятницу начинают, с базара приедут — субботу и васкресенье гуляли» [ВЕР, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УЛГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002].

Вторая половина недели называлась *коренной масленицей*. «С панидельника идёт маслена ниделя. На маслинцу ходят, гуляют. Каренная маслиница начинацца в чытверьг» [АЛМ, с. Сара; ММГ ФА УЛГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «Маслиницу гуляли чытыри дня, с утра да ночи» [ААП, с. Княжуха; ЧМП ФА УЛГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. Дни коренной масленицы в зависимости от обрядовых действий, определявших поведение участников, имели свои

названия: четверг — *разгуляй* (с. Котяково), *загуляй* (с. Кадышево); пятница — *загуливать масленицу*; суббота — *золовкины посиделки* (с. Чамзинка, Пятино); воскресенье — *зака́тально воскресенье* (с. М. Кандарать), *проводы* или *прощально воскресенье, прощёный день*.

Праздничная неделя начиналась со *встречи масленицы*. Обычно под этим подразумевали разжигание костров. В зависимости от местной традиции, первый костер зажигали или в предшествующее воскресенье (*мясное заговенье*), считая его началом масленицы, или в другие дни на этой неделе. «Вот масленицу кагда праважают, эта жгут. И встричают, и праважают — жгут. На гарах, на гарах толька, разви можна в силé. <...> Иё начинают жечь-та, да, за ниделю да масленицы са́май. За ниделю, в васкрисенья. А патом уж на саму масленицу» [СМО, с. Коржевка; МИА Ф2001-26Ульян., № 49]. «И встричали, и праважали. [Встречали] *перид маслиницай*. Жгли всё, чаво пападёцца ташшат. Кагда придёт маслиница, накануне. Вот щас начинат, знашь чаво? Вот *чыт-верьг* — “разгуляй”, эта на базар ездют. Здесь всё базар — в Кадышиви был базар, в Пагйбилки [=с. Красносурск] там ры́бный базар. Вот в пятницу эта жгут. В субботу, васкрисенья — эта уж маслиница. А тут катающа на *лашадях*. Нарядют *лашадей* лентами. [В воскресенье] да, праважают» [ТФД, ТНГ, с. Котяково; СИС Ф2004-31Ульян., № 128]. Костры и катание на лошадях характерны также и для проводов масленицы (см. *Провожать масленицу*). «Кастры всю маслину ниделю у нас жгли *рибитишки* на улице, всю маслину ниделю жгли. Эта встричали маслиницу. А тут в последний день жгли — эта праважали» [МСИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-07Ульян., № 8].

Устраивали один костер в центре села или несколько костров — на каждой улице. «[Костры] в маслиницу толька. Маслиницу встричали, праважали. Кастёр жгли — начала маслиницы. А в канце маслиницы тоже жгли кастёр — праважали маслиницу. И на *лашадях* катали. [Костров] многа! Кастры жгли: тут кастёр гарит, на другой улицы кастёр гарит» [МВА, д. Лебедёвка; СИС Ф2009-31Ульян., № 30]. Подростки, разжигавшие костер, бегали вокруг, кричали, просили масленицу принести блинов. «И кастры жгут *маладэжь*. Ну да, *маладэжь*, дивчонки, мальчишки. Салому у радителив *варавали*. Салому жгли, а щас баллоны жгут. Натаскают, сриди дароги, да, кастёр развядут. “Маслиница, маслиница, дай блинок!” Вот эта *гаварили*» [КЕН, ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-05Ульян., № 37].

В с. Чумакино масленица начиналась с объезда села ряженым, который возил в санях чучело, которое называли *масленицей*. «Эта уж маслиницу делали уж ни мы, ни дети, а атцы-магири. Нарижали абмалотак, сноп, нарижали мужиком, сажали на дровни — и на лошади возют. Правязут всем Чумакиным кругом, па обоим вот улицам, и, значыт, абйисняют: “Маслиница *началась!*” Да, встричают. Встричают и праважают. У нас эти, Кирины были. У нас тут [когда] маслиница, Динис Кирин — он чудил видь всё. Кагда *начынащца* — *начынащца* в пятницу утрам. А эта ищ тямно, тямно ищ на маслиницу, эта в пятницу-ту эта он ездил. Наридил иё [=чучело] вчара, и уж

он едит, абйисняит: “Маслиница!”» [ЗМФ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 85–86].

В некоторых селах «встречей масленицы» назывался обход домов детьми с просьбой об угощении. Подобные обходы проводились на протяжении года неоднократно (см. *Коляду петь, Жаворонков кликать, Пасха, Рождество славить, Средокрестье*). «Встричали маслиницу. Кагда встричали, ну, как наряжались? Надявали, ну, чаво наденишь? Тагда и не была ничаво. Аденишь там куфайка там какая, или чаво. Вот. Ну, где [=иногда] хадили па улицам вечарам, в сумёрки. Падростки-ти были, нибальшии ищо, лет двянацать-та б́ыла. Все вмести хадили. “Маслиница, маслиница, дай ку-сочик маслица!” Ну, падавали на маслиницу-ту. Кто чаво можит. Нам чаво тагда падавали? Эта сичас канфетки и пряники, всяво. А тагда чаво? Раз-ви латáнку [=лепешку из картофеля] какую. Блинов-та нé была, латáнки» [ЗЕЯ, с. Сара; СИС Ф2006-34Ульян., № 78–80].

Начало праздничной недели отмечалось приготовлением обрядовой еды, в первую очередь блинов, а также *орешков, малинок или жамкóв* — сдобного печенья в виде небольших шариков, которое выпекали в большом количестве растительного масла. «Как встричали? Стряпали толька, больши нет ничаво. Пираги, да чаво ишшо-т? Блины. Блины всяки были. Кто каки сумет, у каво чаво была. Хто — гричи́шны, кто пшонны. Наталку пшана-та вот в ступи да. Ржанічны, а пшаницы не была. Эт я давнышны, давнышны рассказываю, давнышны» [ВЕР, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УЛГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. «Кагда эта прі́дет масленица — эта “мали́нки”, на масли-ницу их пеки, из пресныва [теста]. Так круглиньки, как шарики, а пасирё-ди ямачки. В масла макнут, делают ямачку — вот “малинки”. В последний день ели, бывала, рыбу даядали. <...> На маслинской нидели с самава пер-вава дня, бывала, блины пикли с утра, к завтраку. Бывала, видь вот эдаку стапú нам мамка накладёт, и масла, паливай ложкай и ешь. Масла б́ыла, рыба б́ыла, вот рыбу [ели]. Блины кажный день пикли на дражжах. Быва-ла, видь и пшано — абдавали вадой горячай. Патом яво раскинут на стол, исталкут — вот пшонны блины. Ани больна хароши, такии бельи были, рассыпчатый. Из пшаничной [муки пеки], раньши не была белай, вот пшанична» [БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 17–19]. «Пикли эти “арешки”. “Ареши” вот пеки вот. Сдобны, ане рассыпающца. В карман клали и грызли, ели, засушат» [КПТ, с. Кадышево; СИС Ф2000-17Ульян., № 16]. «Прі́нята б́ыла, вот, значит, вся маслена — блины пякли, алады пя-кут, все пираги пякут. А в среду — у нас Слабада тут вот, село была, там базарчик был. Рыбы купят, привезут рыбы все — масленица» [ЛЛФ, Сара; ММГ ФА УЛГПУ ф. 17, оп. 4, 2000].

Первый блин, испеченный на масленичной неделе, предназначался для поминовения родителей. «Свечку зажгут и первый блин паложут. Вот так. Эт видь маслиница. Ну, вот тут блины пякут и радителий-та паминают» [ВЕР, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УЛГПУ ф. 4, оп. 4, 2002].

С первого дня масленицы начиналось катание на лошадях, которое выполняло прежде всего представительские функции, давало возможность хозяевам похвастаться конями и экипажами. «Па улицам катались, ездили. Были таеи санки круглы, вот запрягают, хорошие есть лошади, были рысаки у некоторых людей, богатых. Вот. У каторых христъянская лошадь, а эта на рысаках, бывала, выижжали тожи, на рысаках катались. Вот эти улицы вот: Каралёвка-та ана очэнь была ровная, хорошая, бывала, па ней вот выижжали. Рысаков у нас была тут тожи штук пять, наверна, вот я как помню, хороших, быстрых таех рысаков, жирибцов» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 10]. «На лашадах ездили, были па единаличнаму. Я вот харашо всё помню, катались на санях. Да маслиницы ни катаюцца, да маслиницы толька катаемся на салазках, на санках. А в маслиницу на лашадах. Ездили ва всё Тияпино с гарманьями, наряжины. Шёлкавы фаты [=платки] авьжут девки-ти. Пасодют на сани, ездют ва все каньцы на лашадах — “катают маслиницу”. Вот у нас у тяти была лошадь хороша такая, резва была лошадь. Вот иё взнуздают, ана идёт — пляшит инда идёт!» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 114].

Масленичные катания на лошадях объединяли всех членов крестьянской общины от детей до стариков. С утра обычно катали детей. «Я каталась на лошаде-те. Девчонкай была, атец запряжёт лошадь. И брат у нас был, вот он нас пакатат с утра-та, а уж вечерам девак катат» [КМН, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УЛГПУ]. «Катались. Рябятишки сабяруцца. Нарядют их в шёлковы шали, маниньких-та. Плетюхи, плетёнки [=корзины] эдаки — сажают и павязут. На лышадей пагременушки наденут и павязут в дирвеню катать» [КАВ, с. Ширшовка; ММГ ФА УЛГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

Катание детей часто приобретало шуточный характер. Взрослый, катавший детвору по селу, имитировал выкрики торговцев глиняной посудой. Зрители с готовностью подхватывали эту игру. «Сажали, палны сани насажают. Кагда дитей катали, кричали: “Гаршков визём! Гаршков визём!” Шутили всё. <...> Дети-ти сидят и зывають [=кричат]. А кто визёт их, кричит: “Гаршков визём! Гаршков визём! Купити гаршки! Каму гаршков! Каму гаршков!” И хто визёт, и хто стаит: “Батюшки! Гаршков вязут, гаршков вязут!” Эта шутили вот эта так» [МВМ, с. Б. Кандарат; СИС Ф2006-20Ульян., № 99]. В с. Палатово взрослые отправляли детей к «чудному старику», который катал их, чтобы те просили продлить масленицу. «Старик был чудной на каньце, зачем-та яво “маслиницай” звали. Идити прасити: “Прибавь маслиницы, эта, маслиницы ишшо прибавь!” Вот к няму и пайдут кричать: “Дядь! Прибавь маслиницы! Прибавь маслиницы! Дядь! Дай ишшо динёчик! Ишшо динёк маслиницы!”» [ЛНА, БАА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 40, 130].

В четверг — первый день *коренной масленицы* — начиналось катание молодежи, служившее своеобразной выставкой потенциальных невест и женихов. «Вот на саму на масленицу катались толька падруги. Нынчи на нашей лошади, завтри на тваей лошади, там на этой лошади. Вот. Нам за-

прягали атцы лашидей, и мы катались па очириди. Мальчишки правили па очириди. Я вот каталась, дваюродный брат наш был» [МВМ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 99].

К молодежному катанию на лошадях готовились заранее. Парни договаривались, кто из них приведет свою лошадь. Если у хозяина было несколько лошадей, он разрешал сыну запрячь их. По договору запрягали тройку лошадей. Проезжая по улице, парни останавливались и приглашали понравившихся девушек покататься. «Мы ищо манинькии были. [Девушки] в адном караводи, чай, стояли, у нас всё вот тут вот на углу стоял народ-ат. Ани [=парни] астановют, скажут: “Садитись, дивчонки”. Вот па улицы [катались]. С писнями девкити, на санях. Лашадей-та! У всех лошади-ти были, пално лашадей-та была, в кажнам дваре, все па-единачнаму жили. Запярта́ улица была [=запружена санями], обе улицы. И в Канаплянку ездили» [ПЕС, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 37].

С этого же дня начиналось и катание молодежников, которому придавалось важное значение. Это была акция, представлявшая новую семью сельскому обществу. «А на маслиницу уж тут маладыи уж ане, пажанаты маладыи. Маладыи катались. Вот каторы в мясаед выходят замуж, вот ане катались. Уж на маслиницу-та ане уж, знашит, живут. Вот, знаишь, запрягаит, катаицца. Нарядют дугу, с калакалом. Вот, эта была, катались на лашадах. Па улицы, да, па улицы. Па улицам катались, ездили. Были такеи санки “круглы”. Вот запрягают — хорошие есть лошади. Были рысаки у некатырых людей, багатых» [ЖИМ, ЖМС, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 39].

Главной цели катания — продемонстрировать богатство и высокий статус катающихся — соответствовали тип и убранство экипажей. Специально для праздничного выезда предназначались *кошевые* или *круглые* сани. «А лошади-та, у нас у тяти три лошади, по три лошади была, больна уж хороши. Да. Сани-ти кошавые. Ане, значит, такеи круглы, у них пирядок абделанный, и тут, крашины, и там сиденья. И там садяцца вот сколька чылавек уж, чылавек там пять-шесть, больши ни усядуцца там на них. И вот прям абделаны сани, на них уж ничаво ни работают, толька вот выездныя сани» [ИАС, с. М. Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 96].

Сани и дуги украшали так же, как во время свадьбы. «Сани, вот на аглобли лентав навязут: и розавых-ти шолкавых, и красных-ти, и, можит,

Перетягивание каната на масленицу в с. Потьма. 2005 г. Фото И.А. Морозова

такех — ни то, што шолкавых, какех нарежут. И дугу-ту! И на óбрать тут к этаму, всё — визьде, визьде, визьде!» [ССП, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 27–28]. «Какой-нибудь красивый кавёр пастелют в сани. Вон какую-нибудь шаль — дугу-ту, дугу-ту. Дугу-ту маненька абярнут, дугу-ту лошади. Нарижали лашадей. <...> Чай, шолковую шаль привяжут или ути-ралник на дугу» [МВМ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 96].

В с. Кадышево до второй половины XX в. сохранялся обычай во время масленичных катаний привязывать к дуге куклу, как это делалось во время

Празднование масленицы в с. Потьма. 2005 г. Фото И.А. Морозова

свадьбы (см. *Свадьба*). «Вот или куклу на дугу паставют нарядут, или вот только палатенци накрутют, вот лошадь наряжина едит. [Куклу] пакупную, чай всё, щас всяких есть» [ЯТА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 84].

В 20-е — конце 30-х гг. XX в. во многих селах сохранялся обычай *ездить* на масленицу *поездом* или *обозом*, то есть выстраивая сани вереницей. Ехали по улицам, объезжая все село. Добравшись до конца одной улицы, поворачивали и выезжали на другую. «Ездили на масляницу ва всё сяло. Бывала, как называли, — «поезд». Набяруцца лашадей пятнацать-десить. А шассейкав-та не была видь, дароги были такии, снежны. На лашадах катались. Ой, боже мой! Азаравали. Девки, рабяты...» [ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. В с. Б. Кандарать сохранилась память о том, что в довоенное время на масленице «поезд» начинал объезд деревни с востока. «Вот паедут адной улицый вот так вот, другой, и... Ну, щас ни панимают, атколь нады ехать, куды ехать. Атколь паедут, куды приедут. А раньше [порядок] был катацца атгудава, с васхода, вроди, солнышка. Как-та всё эдак ездили. Больши этой нашый улицый [=Верхняя Почтовая] ездили...» [КАВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-04Ульян., № 40–41].

Во время масленичных катаний ездоки устраивали соревнования. «Ка-

тались, хто напироганкі сумеет, да. Туды праедут, в центр вот, аттоль заварачываюцца — и па нашій [улице]. И там мост есть, вьезжали, каму жила-тильна, и на Гурьянавку. Вярнуцца, и апять туды <...> вярнуцца в ту улицу. И той улицей, и апять в нашу. И апять. Вот эдак-ту валяют. Да тех пор — в мыли лашадей-ти инда сделают!» [ИАС, с. М. Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 97]. «И абганяюцца, страх инда глідеть: друг за дружку заденут и зашибут друг дружку. И напироганки ганяют, па всяки» [КАВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-04Ульян., № 40–41].

Конечно, наперегонки могли ездить только те, у кого была хорошая лошадь. «Нас дядя катал. У нас рысак был, и у Осиповых был рысак — вот в силе только была два рысака всяво-навсява. И вот он в абгонышки. Вот он нас с этой падругай посадил. Мы с ней с аднаво года, и мы с ней дружили, на адной постели [в келье] спали. Я думала, он нас разабьёт! Вот видь как зявát [=кричит], штобы абаганяць-та, видь ани в абгон катались» [ЛЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 96]. «Напироганкі: хто пирогонит? Вазьмёт лошадь-та, сумеет пироганць? “Я, — гаварит, — пироганю, — гаварит, — эта тиха едит лошадь. Я што за ней еду? Я паеду пашибчи”. Гонки устраивали, и пироганялись. Всё была...» [ТМИ, с. Белый Ключ; СИС Ф2000-15Ульян., № 18].

Проигравший во время скачек приглашал соперника на угощение. «На маслиницу ездили. На санях ездили — “круглыи” санки такие назывались. Рысачок хорошинькай. И вот абгонит кто каво, саривнавались. Саривнавались, там вот, скажим, па силу: кто раньши праедит эту улицу. Выижжают вмести, и вот с аднаво канца — во втарой канец. Кто каво абгонит, чей рысак абгонит? Скажит: “Давай, вот мы с вами пасаривнуимся! Да?” Пáрами дагавариваюцца. У миня лошадь луччи, у вас лошадь, можит быть, хужи. Зависило эта и ат ездака, вот. <...> И тот бирёт к себе угашшать, который ни абагнал. Каторый ни абагнал (а этыт яво пирогнал), он яво бирёт к себе угашшать» [ГПС, с. Коржевка; СИС Ф2000-03Ульян., № 86].

Особенно лихие парни старались опрокинуть санки соперников. «Сталкнут или свалят нарощна [сани], вот и шутки были. Вазьмут сталкнут нарощна. И навстречу [лошади], и ни навстречу — как нады, так и играли. Да. Встанут, пайдут апять. Саначки поставят на места, паедут» [ПЕС, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 36].

Во время катаний особенно много шуток устраивали над молодоженами. Зрители забрасывали их снежками, возница на резком повороте вываливал в снег. «Бывала, если, примерна, можит быть, эдак вот пагонют, повернёт круто, вываляюцца маладыи. Играют, шутют, эта шутки всё эта были. Аб этам эта и гаварить нечива. Виселья была» [ЖИМ, ЖМС, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 39]. Порой останавливали сани, на которых ехали молодожены, опрокидывали их в снег и даже могли набить снегу в штаны. «Маладых на масленицу валяли. <...> Гонят лошадь, и мужики все под узцы паймают лошадь, жениха вытаскивают из саней. А чё? Павалаяют вот нагами

маненька. А каторый, если пагардится, ему дадут шмятйчку [=шлепков]. Закон был такой» [КМН, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «Эта ни только маладых ли, каких ли! Шчас едишь, шчас ага: “Гпру!” Там адин выходит, лошадь — раз, кувырк эти сани! Ну и накупают, и абсыпят снегам, и в штаны наложут снегу. Зачем? Штоб дамой скарей, там начинаит таить» [БНИ, с. Кадышево; СИС Ф2003-07Ульян., № 40].

Обычным развлечением парней и молодых мужчин было остановить лошадь, на которой ехали молодые, и заставить их целоваться. «Маладых ловют — кланяцца в ноги. Да, кланяцца. А малады рабяты ловют цылавацца. Пымáют: слазит, кланицца мужику в ноги. Руки назад, пакланилси, пацылавал, сел, и паехал апяць. Всё абъездиют — и Канаплянку, и Пра-ламиху — визде абъездиют. И визде их ловят» [ТАЕ, Чамзинка; ММГ ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «Катались на лашадях [молодые]. Эта встричают йих, хто свалит, хто чаво. Слезут, в ноги кланяцца заставют: “Кланяйся, жана!” — “Ты спирьва! Ты жине пакланись!” Ну, а он гаварит: “Ой, нет, нет! Я ни в коим случаи не буду кланицца!” Ну, жана растягивацца: ана брякницца [мужу в ноги], пацалуит, ну и паехали апяць катацца» [ГМС, с. Проломиха; МИА Ф2002-28Ульян., № 6].

В с. Чамзинка при чествовании молодого жена распластывалась перед ним на снегу, демонстрируя тем самым свое полное подчинение. Это называлось «целоваться ласточкой». «Мы идём вмести дарогай. <...> Встричали всех, па улицы кто идут, кланяцца заставляли. Маладых на Пращennyй день цылавацца заставляли “ластачкай”. “Ластачкай, ластачкай цылуйси!” Вот, дапустим, ана лягит, а руки назад сделаат. Ну, на брюха лягит, вот растяницца, на живот, а руки-та назад вот сделаат — “ластачкай” называцца. Я [=молодой] стаю. А патом встанит, пацалуит яво. Эта называцца “ластачкай цылавали”» [ШАМ, ШАЯ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 47].

Так же поступали, когда молодые гуляли по селу или направлялись в гости. Драматические ситуации возникали, если девушка вышла замуж за нелюбимого или вдовца. «Маладых заставляли цалавацца. Вот ани идут к сваим, атколь ана взята. Ана идёт с мужиком. Ну, вот рабята встричают: “Цалуитиси!” Адна — ана вышла девка, а он вдавец да храмой. Ана нос вот эдак закрыват, а он лезит цылавать. Раз маладых, чаво? Лезит. Нос разбили, кровь у ней идёт! Ей ни хателась, а он цалуит, а ей ни хателась. Ана девка, а он вдавец. Не любила, а пришлось» [БАА, ААИ, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 42].

Некоторые шутки были импровизированными. Например, заметив лошадь без хозяев, шутники выпрягали ее, заводили с другой стороны забора и вновь запрягали. А вернувшиеся молодожены должны были разбираться, почему не двигаются сани. «Эта да, кто чаво придумаит. Вплоть да таво, взяли (ани атлучились там, малады), ани взяли аглобли-те прасунули вот сюда [через забор]. Лошадь завели, лошадь-та запрягли там, а сани-ти здесь. Ну, ани падвыпили, с пьяных-ти глаз, пажалуй, ни увидили: “Но-о!” Там кто чаво придумаит» [БНИ, с. Кадышево; СИС Ф2003-07Ульян., № 40].

Масленичные катания на лошадях были ярким зрелищем, на которое собирались жители всей деревни. Катающиеся молодые люди пели песни, зрители всех возрастов с удовольствием их подхватывали. «Вот окаль дворьив каторы глядят, да. Песни пают, с гармоньей каторы. И прям на санях-ти в гармоньи играют. Песни всякии закатывают. Вот так вот» [ССП, СОИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 27]. «На маслиницу запрягают, у каво лошади. На дугу-ти, на аглобли-ти лентав навязут, насадют уж палны сани. И закатывают на санях-ти хто какеи песни! Все были на улицы, сматрели, как катающца. И стары смотрют, толька пасмеивающца. Кагда холадна, вот эдак вот, бывала, скажут: “Ну, да сапэль замерзнити”. А йим машут платочками-ти вот эдак вот, платочками-ти, на санях-ти. Ну, была, чай, дорага паглицдеть» [ИАС, с. М. Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 101].

Особенное внимание привлекали сани, наряженные шутовским образом. «Раньши наряжались, дажи лашадей в штаны наряжали, шапку надявали! С калакалами па сялу-та ездили.

Сжигание чучела на масленицу в с. Потьма. 2005 г.
Фото И.А. Морозова

Раньши многа была лашадей-та. Эта вот я помню. Настоящая лошадь, наденут штаны на неё, дугу урядят разными лентами, калакала повесют, шапку наденут на лошадь, ага. Шары всякии. Эта вот раньши Дуванов был, там на Макруше. И сами наряжались, па-цыгански, па-всякии наряжались» [САМ, с. Потьма; СИС Ф2006-22Ульян., № 60]. Ездоки в таких экипажах обычно пели смешные частушки или разыгрывали комические сценки. «[Катались] па сялу и вот так, парами. И кто кибитку сабьёт, да балаган — с причудами. Нарядющца. Ну, азаравали маладэжь. Наряжины, маски вот, пляшут, пиригудки всякии. Вроди как кибитка — закроит полагам. Патом сделают: едут сани — выступают, пают песни, стихи. Вот так чудили, висилились. Да вайны, да. <...> Песильницы или какии-нибудь чудаки находчивьи пиригудки [пели]. Вот ани сабярющца: “Давай вот эту сачиним, сделаем для смеху”. Нарядющца, маски делают, штобы чилавека ни узнать. Из бумаги или вот какии диривянныи сделают, ачки наденут — штобы ни узнавали. И вот чудили» [КМС, пос. Пустынный; СИС Ф2000-04Ульян., № 47–48]. В с. Барышская Слобода на санях возили ступу, в которой токли лён, намекая тем самым на завершение праздничного безделья и будущее занятие женщин. «А вот ещё на масленицу, в Прощёный день запрягают лошадь, стелют на

дровни доски, на повозку ставят ступу и толкут. Завтре — говенье, прясть будут, лён толчи будут, мочки мыкать. Стоит вот женщина наряжина и толкёт» [КМН, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

Иногда шутки в завуалированной форме содержали идею очищения от грехов. Например, в с. Котяково один мужчина в течение года собирал сведения о проступках односельчан, а на масленицу, когда его везли на санках по селу, перечислял все грехи, совершенные жителями того или другого дома. «Яво [=мужика] пасодют, пасодют на сани и вот визут. И вот он пра всех рассказывает, кто што сделал. Што вот в гаду́ люди-та вот там чё вот наделали, кто там с кем падрался. <...> Вот такой-та такава-та числа вот чё сделал: или там жину избил, или падрался с кем. Ну, вот за целый год, значит, всё эта. Всё пиричислит пра каждава чилавека. А народу за ним идут многа! Каторый визут яво. И вот он рассказывает, все смиюцца» [ВАМ, с. Котяково; СИС Ф2004-02Ульян., № 39].

В с. Русские Горенки этим занимался «барин Салатов» (см. *Шутить*). «Запрягали лошадь, калымагу. Закроют эту калымагу дирюгой што ли, он там сидит. И вот падьйижат, ага, там к какому-нибудь мушшину: “Вот ты в бани мылся с жаной, ты иё парил, запарил!..” Ну, и начнёт. Пака што да маслиницы он услышит какую-нибудь новысть: или с мужим разругалась жана, или ишшо чаво там вон муж сделал, азаравал ли. И вот он на маслиницу всё выспрашивал [=высказывал]. Ага. Ну, прилепит, скажит, што вот: “К чужой хадил, вроди, гаварили”. Или там ишшо чаво. Или украл вот чаво-нибудь у сасада, или где в калхози чаво украл. Вот апать как судил вроди он» [БАЕ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-03Ульян., № 67].

Отглашение провинностей было весьма действенным средством контроля за соблюдением моральных норм и правил поведения. «Вот возят яво там вот раньши на маслиницу. Ахрана с нём, вирьхом ездют. А он калымагу паложит, на калымагу ишшо калымагу и пиривярнут, а он сидит в калымаги. Вот он всех и критикуит ездит. Вот хто чаво делал: хто бабу в бани мыл, хто чаво — всё. Яму, хто увидит, яму скажут, он запишит. За весь год записыват, хто где! Мужиков большинство [осмеивал], бабам ане угаждали. Ну, што стирал, может быть, ей — эта пазор шщитался раньши для мужика!..» [СНА, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-03Ульян., № 33].

Специальной масленичной забавой было устройство ледяной карусели, на которой катались не только дети и подростки, но и взрослые. «У нас на маслиницу толька была, карусель делали. Кол марозили, делали карусель. Калясо надявали на кол, а потом жердь привязывали и салазки. И вот эта калясо крутили, вот и катались на этом калисе. Всех [катали]. Вот сабирёмся, кто захочит, сadiaсь. Каторый вон атятал, ни знаю куды! Патеха была, смех!..» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 25]. «Вбивали кол, снегам, заливали вадой, он замязрал. Жердь привязывали длинную. На прастори. И вот на санках — все падряд [катались]! И взрослые катались, все катались! И маладэжь, и взрослые — все. Для смеху. Нескалька

чилавек эту жердь возют — ну, там калясо надета, а на санках сидят один или двоя. Ой, шуму! Кто упадит, кто ни упадит. Смеху-ту бы́ла! Придѣшь, бывала, всё мокра! Вот на маслиницу. Маслинская нидела. Мясам загавляющая, вот начинают катацца. Всю ниделю катающца до Прашчонава дня» [ММС, с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 11].

На масленичной неделе проводились обязательные кулачные бои (см. *Кулачки*). В некоторых местах еще сохранилось представление об их магическом воздействии на будущий урожай. «У нас дрались. У миня хазяин здорава драля. Скарей убираисси и бижишь скарей на драку глидеть, как драцца будут. Толька пар идѣт, бьют друг дружку! “Если, — гаварят, — на маслиницу ни падирѣсса, уражая ни будит!” Вот так была» [КМВ, ААФ, с. Шеевщино; СИС Ф2000-13Ульян., № 79].

Кроме того, устраивались и шуточные потасовки, в которых принимали участие все — от мала до велика. «Да эта азаравать азаравали! Там и ваявали — вон палкими, снегам [кидались]. Канец на канец. Там Аргáш — улицив пално была! Там Цинтральна, там Кардон, а здесь Канец. Вот и ваявали. Снегам или так, палкими кидались. Заборы ламали! Вон [сейчас] всё штакетник, [а раньше] пруточкими гарадили, не была этава. <...> Малыши — вот как, скажим, шесть-семь лет, и взрослые. Ане вот тут — тяпло! — снегам ваявали, кидались вот этим, снегам. Свалит, то пад рубашку, то лицо натрѣт — кто как сильней! Кто чево! Вот так азаравали. Снижками кидали» [КМС, пос. Пустынный; СИС Ф2000-04Ульян., № 49].

Но главные события масленичного обрядового комплекса были связаны с молодоженами. В больших селах на мясоед приходилось много свадеб. Завершением свадебной обрядности был обычай приглашать на масленицу молодых в гости к многочисленной родне. В Ульяновском Присурье этот обычай назывался *молодых масловать* (см.).

В некоторых селах (с. Чамзинка, Пятино) суббота на масленичной неделе называлась *золовкины посиделки*. В этот день молодым было принято гостить у сестры мужа. «В пятницу — па маей радне, а в субботу — к заловки. Эт уж “заловкины пасиделки”» [ТАЕ, с. Чамзинка; ММГ ФАУЛГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Начиная с пятницы три дня подряд жители села наблюдали, как нарядные молодожены обходят дома близких и дальних родственников. Во время таких обходов молодых подвергали шуточным испытаниям. Например, к ним подбирались со спины и запрыгивали на плечи, заставляя катать себя. «Вот в Прашшальный день на маладых катались. Вот как ане пайдут прашшацца, на маладую да на жиниха вирьхом сядут. Ну, сзади. Мальчишка ли, дивчонка ли садяцца и едут: “Визи!” Парни, девки — маладѣжь. Магли и жанаты, какая разница? Шутили, да» [ССП, СОИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 29].

Парни и молодые женатые мужчины старались, поймав и повалив молодых на землю, закидать их снегом. Обычай назывался *молодых солить* (см.). «А уж маладых-та снегом закидают, снегам-та заваливали! Всё время

толька и глidyт: “Малады иду! Маладых салить нада!” Заваливали снегам — свалят и валяют. Шуткав многа была, очинь многа!» [МАФ, с. Сара; ММГ ФА УЛГПУ, ф. 4, оп. 4, 2000].

В 20–30-е гг. XX в. подобные розыгрыши могли устраивать и замужние женщины. Они подшучивали над девушками и парнями, которые дружили, но в мясоед не сыграли свадьбу. «А то прапустит мясоед, ни выйдит девка замуж. Ни женица, знаам, што ана с нём дружила, дружут, и, бывала, йих па снегу валяям. И шутницы бабы-ти есть. Вот мы сидим [у избы] эта и начнём. Вроди шутак. Ну, йдут ане, а я знаю, што ане, мол, дружат. Йих и накувыркают. “Ни прапускайти мясоед, жиница нада!” Там што-та пригаваривали» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-37 Ульян., № 78].

Но особенно доставалось еще не просватанным девушкам-невестам. В разных селах (с. Б. Кандарать, М. Кандарать, Сара) было принято *солить девок* (см. *Молодых солить*). «Ну, там бегали каторыи пастарши нас уже. В мой вот эта возраст, я уже эта ни помню там. Гаварят: “Давайти салить!” — завалют снегам там и всё. Штоб да следуштива лета [=года] девки ни портились. Ну, эта апять всё па-харошиму! Всё эта, как гаварица, для смеха, вроди так. Встанит ана, ани же иё и атряхнут, и всё» [ДКВ, КЗА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 24; СИС Ф2006-25Ульян., № 87].

Наибольшее количество ритуальных и игровых действий приходилось на последний день масленицы (см. еще *Провожать масленицу*). Его названия отражают характер этих действий: *закáтально воскресенье* (с. М. Кандарать), *проводы* или *прощально воскресенье*, *прощёный день* (с. Потьма, Б. Кандарать, Сара, Княжуха). В с. М. Кандарать “закáтально воскресенье” он называцца. Вроди, вот тут всё кончацца. В четверыг начинацца, а это уж в воскресенье закатывали, заканчывали» [ИЕС, с. М. Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 66]. В этот день заканчивалось катание на лошадях, происходили последние кулачки и гощения.

В последний день масленицы — *Прощёное воскресенье* — соседи и родственники приходили друг к другу просить прощения за вольные и невольные обиды, тем самым нравственно очищаясь перед Великим постом. «В Пращоны день эта к Великаму гавенью прашшаюцца. Идёшь прашшацца. Вот мы адны, старшии [=без детей] пайдём и к маим радитилям, и к няму. Падайдёшь: “Мама, прасти миня Христа ради!” — “Гасподь, дочинька, прастит!” И к атцу падайду. На каленки упаду. Вот как делаали» [СПА, с. Тяпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 110]. «Хадили пращацца, кто перид кем винават. Придут: “Прастити миня, Христа ради!” — “И ты нас прасти”. Эта в васкрисенья, на последний день масленицы. Вечирам уж хадили пращались. С кем ты вот сирдитый был, чаво ли, как ли. Ни абязатильна па радне, нет» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 101]. «А патом, када “Пращёнай день” был, в васкрисенья я хадила к матери и радным и прасила у них прашшенья: “Прастити миня, — мол, — там чаго — с кем сагришила, каво абидила, чего ли...” Ну, и всё» [ААМ, Сара; ММГ ФА УЛГПУ, ф. 17,

оп. 4, 2000]. «Вот ходили, прошшались. Вот: “Прости меня, мама, Христа ради!” Наругались, наплясались — и вот это прошшались» [ШНА, с. Полянки; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

Обычаем предписывалось, чтобы младшие просили прощения у старших. «Эта у нас делают на маслиницу — “прашшаюцца”. Ежели вот у миня есть старики сродники. Пускай я и пажилая или какая, я иду к ним, к раднім. У миня лична радных, как тебе сказать, меньше, а у мужа — многа. А радители больна были хороши, я к ним всё хадила. Приду: “Дядя Вань, прастити миня Христа ради!” — я в ноги кланяюсь, пацалую йих» [ЛСФ, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 89]. «Вот на маслиницу-ту, последняя васкрисенья, эта называицца “прашчѐна васкрисенья”. Бывалыча, папа (я самая малинькая была): “Айдати к дедушке прашшацца!” Вот павидѐт нас к дедушке. Вот приходим, значит, в ноги кланяимся, на каленки: “Папанька, прастити миня Христа ради!” И все. А патом дедушка уж умир, атец старший был, вот уж все прихадили к нам, снохи вот и с дитяи. Все папе кланялись в ноги, прашшались. И мы как спать лажимся: “Ну, давай-ти прашшацца!” Вот. “Прастити миня Христа ради! Мама, прастити!” Я самая малинькая была — всем сѣстрам, у всех я прасила» [МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-31Ульян., № 163].

Посещение молодоженами старших родственников сопровождалось устройством застолья. «На маслиницу с маладыми прашшались. Бывала, если у каво в этом гаду пажинились, эта сабираюцца вся радня и маладых бярут каждый раз себе. Вот нынчи у вас в трёх дварах пабудит, на второй день маслиницы тожи там в трёх дварах, штобы уж вот пабыть абязательна маладым у радных. Эта называлась “прашшѐна маслиница”. С маладыми прашшались, гуляли. Ищо, бывала, астануцца, загуляюцца. Маслиница, ана с пятницы начиналась. А за маладыми, бывала, радители (например, если дочь атдали, то ытыт хазяин, атец, идѐт к сватъям, если ана там живѐт с симбѐй). Идут за маладыми накануне, в четверыг ишшо, накануне пятницы. И загуливают. Сабирают всю радню, и всех. Сабирают всю радню, в пятницу начинают гулять, в васкрисенья — эт последний день маслиницы, “пращочный день”. Гуляют всю ночь, а в панидельник... И вот, бывалычи, я гаварю, эт последний день, васкрисенья, эта уж вот была “пращочный” день — там все пращаюцца, цалуюцца» [ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Просили прощения не только у живых, но и у всех покойных. *Маслинские родители* входили в число обязательных поминальных дней (см. *Поминки*). «На маслиницу, а как жи, хадили на кладбишша. К вечеру на кладбишша или с утра, кагда хочишь! Весь день можна. Щас никто ни ходит. <...> Там, ну, всё придѐшь толька: “Прастити миня, Христа ради!” — и пайдут. Вот, папрашшались. Вот [домой] придут, там пагаварят, чайку папьют» [МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-31Ульян., № 164].

М.П. Чередникова

МАТАНИТЬСЯ

В молодежном кругу как будничная, так и праздничная коммуникация носила преимущественно характер заигрывания, флирта, ухаживания, что соответствовало ее основной цели: поиску брачного партнера. Отличительной чертой такого общения являлось использование игровых приемов, которые составляли органичную часть календарных и семейных праздников и широко практиковались в повседневном быту (см. *Играть в кельях, Подшкунивать, Шутить, Запой, Ярку искать*).

Наиболее распространенным названием молодежной любовной игры было *матаниться*. «Гуляли, вот в этих кельях, знашит, гуляли. Эта как па-стариннаму назывались “матанница”, “матанька”. Вот, каторы в кельях начавали рабаты с каторыми дивчатыми, вот» [ЖИМ, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 30]. Реже взаимоотношения молодых людей определяли словом *играют*. «Играли. Да, ани парачкай играли» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-20Ульян., № 37]. «Гаварили “играют”. “Эта вот с кем играет”. Или ана играет или он с кем играет. Ни гаварили, што там плахими славами. У нас только гаварили “играют”. “Вот эта девушка играет с этим парнем»» [ОМЯ, с. Коржевка; СИС Ф2002-12Ульян., № 47]. «Ну, гаварили эта: “Ой, он с ней давно играет!” Вот эдак вота. Или: “Ну, ана ишо нидавно с нём играет!”» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 84]. Иногда так описывают интимные отношения. «Может быть, где-то скрыто о них говорили, но открыто как говорить? Ну, ведь это всё эти какие-то догадки или чеве-та. Открыто как говорить? Тут уже “играли” — интимные отношения, да» [ЕВН, с. Б. Кувай; СИС Ф2009-03Ульян., № 11].

В настоящее время слова *матаниться* и *играть* употребляют только люди старшего поколения, а все остальные для обозначения ухаживания используют слова *дружат, гуляют, ходят*.

Общение молодежи разного пола особенно интенсивно происходило в кельях (см. *Сидеть в кельях, Ночевать в келье, По кельям ходить, Кузьминки*) и во время будничных и праздничных гуляний и обходов (см. *Гулянья, Качели, Коляду петь, Наряженными ходить, Таусень, Масленица, Провожать масленицу*). Причем в келье легче и быстрее завязывались отношения, так как она представляла собой относительно закрытое пространство, которое молодежь старалась оградить от посторонних наблюдателей. Кроме того, вся организация жизни на сиделках была нацелена на установление предбрачных контактов и расширение круга потенциальных брачных партнеров. В первую очередь это относится к обычаю посещать другие кельи (см. *По кельям ходить*) и ко многим развлечениям, практиковавшимся на них (см. *Играть в кельях, Барыня и кавалер, Кругом играть*).

Ухаживание за девушкой, которое приводило к складыванию парочки, совершалось согласно определенным правилам. Обычно вначале парень только приглядывался к девушкам, посещая разные сиделки. Остановив

на ком-нибудь свой выбор, он через ее подругу или своего товарища «давал предлог» своей избраннице, то есть просил ее согласия на более близкое знакомство. Девушка могла или согласиться, или ответить отказом. «Тебе ли скажит он: “Я бы вот падружил, скажим, хыть с Райкай”. Ана прилагат: “Тибе вот этыт гаварит: ни будишь дружить?” Думаашь, так скажишь: “Ну, пусть падайёт, паглижу”» [КРС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-23Ульян., № 86]. «А каторый аставляят, эта, предложение чириз таварища даёт. Или сам начнёт давать предложение. Вот я пандравилась парню, он дал чириз таварища придлог, патом ка мне падашол. Я атказала парню, он ка мне паходит» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 67]. Правда, при этом существовала опасность, что посредник воспользуется ситуацией и сам станет ухаживать за девушкой. «Абязатильна [через друга]. Абязатильна! Эта есть. Вот: “Пойдёт она со мной или нет?” <...> А он можит и нагадить. Ну, сам пойдёт. Сам-то не осмелицца [знакомиться], а вроди от товарища пришёл, а потом разговорился, разговорился и сам [с ней] ушол» [БЮМ, с. М. Кувай; СИС Ф2009-01Ульян., № 17].

В других случаях парень сам подходил к понравившейся девушке и усаживался к ней за прялку. «Ну, дружились. А как дружились? Вот мать мая рассказывала. Кагда вот ана за первава-та мужа-та вышла. Пришли, гаварят, к нам в первый раз [в келью]. Увидала яво — у ней Ягорам звали яво, первава-та. Больна уж хороший, гаварит, был. Абглидел, гаварит, вот так вот всех и садицца, гаварит, ка мне, на даньцо садицца за миня. Эта первый день, пришол, гаварит, ничаво: за даньцо сел, пасидел и всё. Вот если катора девка панравицца, за даньцо садяцца. Сядут к ним и вот начинают шутить всё с ними, разгаваривать, если панравилась. Другой вечыр пришол, апять за даньцо сел. А третий день пришол и гаварит: “Мне с тобой надо пагаварить. Айда выйдим в сени, пагаварим мы с тобой”. Ну, вышли в сени, пагаварили. Он гаварит: “Ты мне очынь панравилась, айда за миня замуж. Завтри, — гаварит, — придут тибя сватать...”» [БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-04Ульян., № 19].

Реже инициаторами знакомства выступали девушки, в этом случае они оставляли парня ночевать. Совместная ночевка была главным признаком сложившейся парочки (см. *Ночевать в келье*). При этом между девушками, претендовавшими на внимание одного и того же парня, нередко возникало соперничество. «Пандравицца, он, можит, ни сагласицца, другога пригласишь. <...> Мне ндравицца, и падружки ндравицца. И ана пайдёт аставлять [ночевать], падружку пашлёт. Я яво аставила, и ана аставила. И сами-ти мы [обсуждаем]: “Я вот каво аставила!” — “И я аставила!..”» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 67].

В случае взаимного согласия парень становился *женихом* (*кавалером*, *матаней*, *ухажёром*) девушки, а она — его *матаней*, *невестой*, *ухажёркой*.

Иногда молодые люди скрепляли свой союз клятвой верности. Обычно так поступали, когда парню приходилось уезжать куда-либо на длительное время. Причем отношение к соблюдению обещания было очень серьезным: